

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Б. Моргоева

Статья посвящена строго закрепленным в языке лексическим сочетаниям и их вариантам, обнаруженным в осетинских фольклорных и эпических текстах, и в основе своей имеющих сложную семантическую организацию, тесно связанную с мировоззрением, культурой и традициями народа. Изучение данных языковых единиц способствует глубинному пониманию происходящих в языке семантических процессов, обнаруживаемых при сопоставлении исходного значения и современного употребления в речи.

Предварительный анализ обнаруженных сочетаний позволил провести структурное разграничение по степени спаянности компонентов, входящих в состав устойчивых единиц, и определить возможность лексической выводимости общего значения сочетания из семантики составляющих их компонентов. В ходе обработки иллюстративного материала были выявлены составные номинативы и вербальные конструкции сложной семантической организацией, для полного смыслового раскрытия которых в большинстве своем требуется не только контекстное окружение и сюжетная ткань всего текста, но и обращение к этнографическим данным и историческим реалиям. Такой сравнительно-сопоставительный подход позволяет определить событийно-фактологическую основу происхождения и выявить возможные варианты и особенности их компонентного состава.

В качестве основных стилистических приемов, используемых при образовании подобных устойчивых конструкций, можно выделить эвфемизацию, в целом свойственную осетинскому языку, и описательность фактического явления с метафорическим уклоном, способствующим их закреплению в языке как функционально распознаваемых идиом.

Наличие ряда афористических характеристик подобным словосочетаниям и сложным лексическим образованиям дает возможность свободного хождения и самостоятельного употребления их в повседневной речи в качестве фразеологических единиц и фразеологизированных конструкций различной прагматической направленности.

Ключевые слова: лексика, устойчивые сочетания, семантика, эвфемизация, метафора, осетинский язык.

В процессе развития и сохранения родного языка огромное значение имеет его исследование с привлечением в качестве языкового материала текстов фольклорного содержания, поскольку именно они наиболее явно демонстрируют способность языка

сохранять и передавать информацию, накопленную народом, проверенную временем и отточенную мастерством сказителей. Вариативность, которая при этом наблюдается в текстах одного и того же содержания, никак не умаляет их ценности, а имеющиеся в них речевые обороты и описательно-образные обозначения, возникшие на основе метафоры, эвфемизации и табу, возвращают наш взор к морально-нравственным воззрениям собственного народа [1, 10].

Такой уникальной способностью обладают фольклорные тексты и эпос осетин, который широко представлен в диалектах и наречиях. Понятно, что в каждом варианте сохранены крупницы языковой архаики того ущелья, в котором бытовал и оттачивался тот или иной вариант сказания, поэтому переоценить их этнолингвистическую значимость крайне сложно.

В различных вариантах обнаруживаются отдельные слова, ныне относимые к разряду архаизмов и диалектизмов, идиомы, значение которых без опоры на текст и этнографические знания сложно раскрыть, а также яркие образные выражения со сложными сочетаниями смыслов концептуального содержания [2, 86].

Так, наряду с названиями предметов быта, воинского снаряжения, с забытыми географическими и ландшафтными обозначениями, вытесненными современными терминами, часто калькированными или заимствованными из других языков, внимание привлекают образные выражения с явным тяготением к устойчивости, причем как самостоятельной, так и в составе речевых формул осетинского языка.

Среди означенного пласта лексико-фразеологических единиц отдельной группой выделяются названия предметов, наделенных сакральным значением, магическая сила которых подкрепляется определенными сюжетными оформлениями. Это создает благоприятные условия для формирования этических представлений и этикетных норм поведения, одновременно являясь эффективным способом их сохранения.

Сæрты сæры цыт – «честь головы голов». Описательное название любого вида головного убора, который в мировоззрении осетин имеет символическое значение мужской чести, является неприкосновенным, и любое посягательство на него в виде грубого или небрежного обращения приравнивалось к осквернению и унижению чести и достоинства. Потерять головной убор, бросить на поле брани считалось позорным. Большим унижением считалось порвать мужчине шапку, играть с головным убором.

Для усиления выражения всей значимости и важности этого атрибута одеяния и воинского снаряжения использован мощный образ, созданный при помощи семантического повтора важного во всех культурах концептуального сочетания *сæр* «голова» + *цыт* «честь» [3, 262, 367; 4, 440, 615]: *Фæлæ ныл уым ахæм цау æрцыд: / Нæ къахыдарæс, сæрты сæры цыт / Махæн ныр абон уым бапырх ысты, / Фаты бырынкъæй ныббырæггътæ сты* [5, 262] – «Но с нами произошел там такой случай: / Наша обувь, честь головы голов / Сегодня у нас там рассыпались, / От острия стрелы превратились в ключья» (подстрочный перевод здесь и далее наш – Л.М.).

В данном контексте легко просматривается оправдание, сожаление и в некотором роде даже стыд за то, что не уследили за своим снаряжением, и особенно за головным убором. Об этом как раз свидетельствует последовательность перечисления, т.е. сначала обувь как допустимое явление, затем указывается головной убор как редкостное явление. Таким образом, на наш взгляд, сообщается степень ожесточенности боев.

Это словосочетание имеет все признаки устойчивости, а также по природе своей является эвфемистическим.

Сочетание **Хæххон дзигло** «Горский дзигло» относится к классу сращений, в котором лексический компонент *дзигло* утратил свое самостоятельное значение и употребляется исключительно в данном сочетании. Так в осетинских фольклорных и эпических текстах великаны называют людей, попавших к ним в руки:

– *Бирæ ахсат!* – дзуры сæм Сослан

– *Хорз цæрай, хæххон дзигло!* – дзуапп ын радтой кæфахсджытæ.
– *Кæдæм дарыс дæ фæндаг?* [6, 39].

– Много вам наловить! – обращается к ним Сослан.

– Хорошо живи, горский *дзигло!* – ответили ему рыбаки. – Куда держишь свой путь?

Фæздæгджын сихор «обед с дымком» (*æвæздæг сихор* «обед без дыма») – такие обороты-характеристики свежеприготовленной горячей или холодной пищи встречаются в нартовском эпосе и относятся к фразеологическим сочетаниям с эвфемистической основой:

– *Фысым дын стæм: / Кæд дæ фæнды – / Фæздæгджын сихор; / Кæд дæ фæнды – / Æвæздæг сихор, / Тагъд дæ уæд / Фæраст кæндзынæн* [6, 191] – «– Мы для тебя хозяева (дома): / Если ты хочешь – / Обед с дымком; / Если ты хочешь – / Без дыма, – / Быстро тебя / Тогда я отправлю».

Фыдбылызы дзæкъул «мешочек бедствий» – так называют того, который чинит много зла и неприятностей. Выражение это достаточно распространенное в обыденной речи и по семантической спаянности относится к фразеологическим единствам, устойчивость которых обусловлена метафорической образностью и имеет варианты замены одного из компонентов, при которых в корне меняется их семантика: *масты дзæкъул* «мешочек неприятностей, душевной боли», *хины дзæкъул* «мешочек хитрости», *фыдбылызы къæртт* «кусочек бедствия» и др.

Нартæ æмæ Боратæ æмæ Дарежантæ уыдысты æртæ мыггаджы: Боратæ уыдысты ыставд адæм, Дарежантæ уыдысты ахуыр адæм, Нарт та уыдысты фыдбылызы жæкъул [7, 107] – «Нарты, Бораевы и Даредзаны были тремя фамилиями (родами): Бората (Бораевы) были крупными (толстыми) людьми, Даредзаны были обученными (знающими) людьми, а Нарты были *фыдбылызы дзæкъул* (мешочком бедствий)».

Здесь отмечается особенность в использовании фразеологизма – усиливается метонимическим употреблением, и множество людей характеризуется формой единственного числа.

Нафы куывд – сочетание, означающее народный праздник, который праздновался изобилием молитвенных подношений. Сохранилось выражение, бытующее в народном употреблении и также обладающее признаками устойчивости: *Кæд мын Нафы куывды нæ бадыс!* – «Будто ты на празднике Нафа сидишь!». В каждом селении имелось специальное молитвенное место (*кувæндон*) Найфат. Отсюда и другой вариант приведенного выражения: *Кæд мын Найфаты куывды нæ бадыс!* – «Будто ты на празднике Найфата сидишь!». Или: *Ныццыди дæлзæхмæ æмæ сæ баййæфта Нафы куывды мидæг* [7, 157] – «Спустился (он) в подземное царство и застал их во время празднования дня Нафа».

Сочетание **Сухты цагъд** многократно встречается в сказаниях нартовского эпоса и означает «полное истребление, уничтожение». Семантика компонентов, составляющих данное сочетание, и само происхождение этого сочетания доподлинно неизвестно. Однако некоторые информаторы о фольклорных данных связывают с фамилией Соховых и используют вариант *Сохты цагъд ныккæнын* «истребить как фамилию Соховых» [8, 108].

Æмæ аздæхтис Къадзиты калачы Батырадз æмæ сæ цæгъдын байдыдта æмæ сæ Сухы цагъд ныккодта [7, 155] – «И развернулся

в городе (поселении) Казиевых Батрадз и начал их уничтожать и истребил их (подобно сухам)»; *Æддæмæ чи лыгъди, уый Созырыхъойы кард йæ астæуыл лыг кодта, рудзынгæй чи лыгъд, уый та Сослан мардта. Афтæмæй сæ уым сухы цагъд фæкодтой* [9, 395] – «Тех, кто выходил наружу, достигал нож Созрыко и разрезал пополам, тех, кто с окна выпрыгивал (бежал), Сослан убивал. Таким образом их там уничтожили, как сухов».

Значение идиомы выводится из контекстной семантики, опираясь на которую многие ученые, предполагая, что «сух» является названием некогда существовавшего народа (племени), истребленного аланами [10, 516]. Сравним другие устойчивые сочетания осетинского языка, в основе которых также лежит понятие «удара»: *гæндзæхтæ цæгъдын* (диг. *тæппæзтæ цæгъдын*) «биться в агонии», *тъæнгтæ цæгъдын* (диг. *хæлæрттæ цæгъдын*) «возмущать, вывести из себя, быть ненавистным» (букв. «кишки взбивать»), *сæнттæ цæгъдын* «брехать».

В сказаниях часто встречается семантический синоним упомянутого выше фразеологизма *Сæртæ æмæ гуыртæ фæуын (бакæнын)* – «превратиться в головы и туловища». Так характеризуют битву, сражение, в котором разлетаются в разные стороны головы и туловища. Вот объяснение данного сочетания, встречающегося в самом тексте сказания: *Батыражæй чи раирвæзы, уый Уырымæджы шилхъыл сымбæлы, æмæ йæ гуыр æддæмæ ахауы, йæ сæр мидæггæй аззайы* – «Кто спасается от Батрадза, тот натывается на секиру Урузмага, и его туловище (грудь) выпадает наружу, а голова остается внутри» [7, 94]. Вариантом данного выражения является глагольная форма *сæртæ-гуыртæ фæуын* с тем же значением, которую можно отнести к разряду многокомпонентных фразовых лексем [11, 71].

Сравним это объяснение с уже оформившимся устойчивым сочетанием, закрепленным в языке: *...уышы хуытæм ахæм фæранк фæкуысси ис, æмæ, шыдæриддæр уыдысты, сæртæ æмæ гуыртæ фесты* – «у этих свиней есть такой нож, что все они, сколько их было, стали головами и туловищами» [7, 92].

Еще одним интересным устойчивым сочетанием, на наш взгляд, является **Нарты фæхъæуинаг** «изгой Нартов (тот, кого можно лишиться)». Так оскорбительно называют Сырдона, показывая свое желание перестать его видеть среди нартов.

– *Дæ хорзæхæй, Сырдоны хæдзар кæм ис, уымæн ды дæр ницы зоныс? Уыцы фарст фæкодтон, æмæ, Гæтæджы фырт, Нарты*

фæхъæуинаджы хæдзар кæм ис, уымæн, марадз зæгъай, æмæ исчи исты зоны [12, 150] – «Будь добр, ты тоже не знаешь, где находится дом Сырдона? Так выпрашивал я, сына Гатага, изгоя Нартов (букв. «подлежащего исключению из нартов»), дом где находится, и поди скажи, что кто-то что-нибудь знает».

В разговорном употреблении сочетание распадается и чаще встречается в качестве просторечного обращения без компонента «нарты».

Выражение **сауджныны бæхы сæфт фæкодта** «исчез подобно лошади священника (попа)» – фразеологизм, происхождение которого не выводится из общей семантики компонентов, его составляющих, а также не подкрепляется сюжетным развитием ни в одном из сказаний.

Уыцы агуырды æй кодта (хъуджы), фæлæ йæ иу уынæг нæй, дæлзæхх фæци сауджныны бæхау – «С таким упорством ее искал (корову), но ее никто не видел, исчезла подобно поповской лошади».

Учитывая саму жанровую специфику фольклорных текстов, первоначально заключающуюся исключительно в устном изложении эпических сюжетов, полагаем, что это выражение является ничем иным, как образным сравнением с ситуацией (историей), известной самому сказителю, возникшей в памяти непосредственно в момент изложения эпического сюжета и использованной в качестве стилистического приема. Между тем за этимологическую основу условно можно считать событий факт, связанный с посещением священником одного из ритуальных святых мест осетин, возле которого и была оставлена лошадь, на которой священник туда добрался. Многие ему не доверяли и обвиняли во лжи, поэтому украли его лошадь, привязанную возле святилища. Долгие поиски не дали результатов, и народ посчитал, что она провалилась сквозь землю [8, 123]. Как вариант встречается *Сауджныны бæхау дæдзæх аирвæзт* и относится к фразеологическим единствам.

Подобное сравнение с действительной ситуацией, при использовании которого возникает яркий запоминающийся образ, можно считать классическим механизмом появления новых устойчивых выражений. Сравним, к примеру, с иными подобными: *Джызæлы хъомгæсы катой* «тревога гизельского пастуха», *Хъазийы хъазт* «игра Кази» и др.

Наоборот, важным и значимым концептуальным смыслом обладает выражение **Мæ æрц – уе уазæг!** – «Мое копьё – ваш гость!»,

которым сопровождается некогда существовавший обычай вверения путником (странником) себя в руки хозяина дома. Сложность и одновременно привлекательность этого обычая описана в самом тексте сказания:

Йæ бæх йæ æрцыл фидар æрбаста / Æмæ бадзырдта къулбадæг усмæ, / Къулбадæг усмæ, хъæмп-халагъудмæ: / «Уæ, хæдзаронтæ, мæ æрц – уе узæг! / Мæ фæндаджы бар, мæ фæндаггаг мын!» [5, 283] – «Свою лошадь крепко привязал к своему копыю / И крикнул колдунье, / К колдунье в ее шалаш, накрытый соломой: / «Эй, домочадцы, мое копые – ваш гость! / Право моей дороги, дорожную мне снесь!».

Приведенный отрывок дает возможность отчетливо представить не только сам процесс почти обрядового действия, но и понять важную ценность статуса гостя в осетинской культуре, которая позволяет ждать и рассчитывать на уважение к себе. Возможно, требовательный тон, звучащий в самом тексте, является стилистическим приемом, направленным на привлечение особого внимания к этому обычаю.

Наряду с устойчивыми сочетаниями, приведенными выше, в сказаниях встречается целый комплекс слов и словосочетаний одной тематической группы, компоненты которого обнаруживают склонность к афористичности. Тяготение к афористичности связано с наличием оттенка «неизвестности» в семантике каждого номинативного обозначения.

Так, **удхæссæн хæбрæгъ** – «предмет (багор) для изведения душ». В отдельных текстах встречается как **удисæн хæбрæгъ** и обозначает какое-то демоническое снаряжение, предназначенное для наказания и изведения душ людей, попавших под их власть. Тут неизвестность в том, что, предположительно, предмет должен иметь какой-то конкретный вид и форму, о чем нам не сообщается. Из самого сочетания мы имеем информацию только о его предназначении (для изведения душ) и лексему **хæбрæгъ**, означающую любой старый, изношенный от частого использования, предмет:

Сæ иу уæд дзуры: «Цы ма йæм кæссæм? / Удхæссæн хæбрæгъ цæуылнæ хæссæм, / Цæрддзуйы дурттæ цæуылнæ кæнæм, / Уымæн йæ удæй цæуылнæ хъæзæм?» / Уæд иннæ дзуры: «Нырма тагъд ма кæн! / Йæхицæй уал ын ныр ам фæхъазæм!» [5, 38] – «Один из них тогда говорит: «Что еще на него смотреть? / Багор изведения душ почему не принесем, / Врата ада почему не открываем? / Его душой почему не играем (не издеваемся)?» / Тогда другой говорит: «Пока не торопись! / Пока над ним самим поиздеваемся!».

Сæры хъæрзæн – так называется одна из частей пещеры демонов. Крыльцо ада (чистилище); такое злостное место, где плененные люди вместе (в унисон) стенают и плачут, откуда слышны их стоны.

Цæрддзу – так называется место, где обитают демоны, ад. Отсюда происходит глагольное сочетание **цæрддзу кæнын** – хъизæмарæй мæлын – «мучиться». Именная форма образована от *цард* «жизнь» + *цу* «иди» (повелительная форма глагола *цæуын* «идти»). Не смотря на семантическую распознаваемость составных компонентов сложного образования, конечная семантика композита размыта [13, 35].

Æхсар æмæ Æхсæртæг кæрдтæ фелвæстой, / Дæлимонтæ дын сурын райдыдтой, / Сæры хъæрзæнмæ куы бахæццæ сты, / Уæд дæлимонтæ уым фæтар сты. / Цæрддзуйы дуарттæ уæд фегом кодтой, / Удисæн хæбрæгъ семæ рахастой / Æмæ та ногæй уæд фæзындысты, / Æхсаритимæ ысхæцыдысты [5, 125] – «Ахсар и Ахсартаг стремительно вынули ножи, / Демонов стали догонять. / Когда достигли врат (крыльца) ада, / Тогда демоны исчезли (испарились). / Врата ада тогда открылись, / Вынесли с собой багор изъятия душ / И опять вновь возникли, / С Ахсарами вступили в бой».

В приведенных отрывках упоминаются одновременно все приведенные нами лексические обозначения мифических реалий потустороннего мира, что подтверждает наличие достаточно четких представлений о потустороннем мире и его влияние на мир земной. Склонность к афористичности подобных лексических обозначений обуславливается еще и тем, что они находятся в тесном переплетении с такими важными концептуальными смыслами, как «душа», «человек», «страдание» и др.

Таким образом, представленный аналитический обзор демонстрирует тесную взаимосвязь глубинной семантики большинства фразеологических единицы с традиционно культурной составляющей жизни осетин, без понимания которой смысловое распознавание и толкование данных устойчивых единиц осетинского языка становится крайне затруднительным. Вместе с тем функциональные возможности устойчивых единиц языка обнаруживают тенденцию к расширению, что влечет за собой появление вариативных форм и в отдельных случаях изменения исходной семантики и отрыв от этимологической основы.

1. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2007. 464 с.
2. Моргоева Л.Б. Паремии и речевые формулы осетинского языка: семантический, прагматический и этнолингвистический аспекты. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 162 с.
3. Осетинско-русский словарь / под ред. А.М. Кесаева. 4-е изд. Владикавказ, 1993. 380 с.
4. Осетинско-русский, русско-осетинский словарь / сост. Л.К. Парсиева, Л.Б. Гацалова. Владикавказ: Респект, 2018. 1296 с.
5. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2011. Ч. 6. 544 ф. (на осет. яз.).
6. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2004. Ч. 2. 896 ф. (на осет. яз.).
7. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2005. Ч. 3. 712 ф. (на осет. яз.).
8. Дзабиты З. Фидар дзырдбæстыты равзæрды тыххæй. Цхинвал: Южная Алания, 2017. 238 с. (на осет. яз.).
9. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2003. Ч. 1. 592 ф. (на осет. яз.).
10. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1958. Т.1. 657 с.
11. Кудзоева А.Ф. Сложные глаголы в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 41(80). С. 67–80.
12. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Ч. 4. 548 ф. (на осет. яз.).
13. Цаллагова И.Н. Функционально-семантические особенности композитов в дигорском диалекте осетинского языка // KAVKAZ-FORUM. 2021. Вып. 7(14). С. 31–40.

Morgoeva, Larisa B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); lalik_m@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE SEMANTIC ORGANIZATION OF SET PHRASES IN THE OSSETIAN LANGUAGE.

Keywords: vocabulary, set phrases, semantics, euphemism, metaphor, the Ossetian language.

The article is devoted to lexical combinations strictly fixed in the language and their variants found in Ossetian folklore and epic texts, and basically having a complex semantic organization, closely related to the worldview, culture and traditions of the people. The study of these linguistic units contributes to deeper understanding of the semantic processes occurring in the language, which are found when comparing the original meaning and modern use in speech.

A preliminary analysis of the detected combinations made it possible to make a structural distinction according to the degree of cohesion of the components that make up the set units, and to determine the possibility of lexical derivation of the common meaning of the combination from the semantics of their constituent components. In the course of processing the illustrative material, composite nominatives and verbal constructions with a complex semantic organization were identified, for the full semantic disclosure of which, for the most part, not only the contextual environment and plot fabric of the entire text is required, but also an appeal to ethnographic data and historical realities. Such a comparative approach makes it possible to determine the event-factual basis of origin and to identify possible variants and features of their component composition.

As the main stylistic devices used in the formation of such stable constructions, one can single out euphemism, which is generally characteristic of the Ossetian language, and the descriptiveness of the actual phenomenon with a metaphorical bias that contributes to their consolidation in the language as functionally recognizable idioms.

The presence of a number of aphoristic characteristics of such phrases and complex lexical formations makes it possible to freely circulate and independently use them in everyday speech as phraseological units and phraseologized constructions of various pragmatic orientations.

References

1. Mokienko, V.M. *Obrazy russkoi rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: historical and etymological essays on phraseology]. Moscow, Flinta, Nauka, 2007. 464 p.
2. Morgoeva, L.B. *Premii i rechevye formuly osetinskogo yazyka: semanticheskii, pragmaticheskii i etnolingvisticheskii aspekty* [Paremas and speech formulas of the Ossetian language: semantic, pragmatic and ethnolinguistic aspects]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2015. 162 p.
3. Kesaev, A.M. (ed.). *Osetinsko-russkii slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. 4th ed. Vladikavkaz, 1993. 380 p.
4. *Osetinsko-russkii, russko-osetinskii slovar'* [Ossetian-Russian, Russian-Ossetian dictionary]. Compiled by L.K. Parsieva, L.B. Gatsalova. Vladikavkaz, Respekt, 2018. 1296 p.

5. *Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2011, b. 6. 544 p. (in Ossetian).
6. *Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2004, b. 2. 896 p. (in Ossetian).
7. *Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2005, b. 3. 712 p. (in Ossetian).
8. Dzabity, Z. *O proiskhozhdenii ustoichivyykh slovosochetanii* [On the origin of stable word combinations]. Tskhinval, Yuzhnaya Alaniya, 2017. 238 p. (in Ossetian).
9. *Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2003, b. 1. 592 p. (in Ossetian).
10. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958, vol. 1. 657 p.
11. Kudzoeva, A.F. *Slozhnye glagoly v osetinskom i persidskom yazykakh* [Compound verbs in the Ossetian and Persian languages]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 41 (80), pp. 67–80.
12. *Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, 2007, b. 4. 548 p. (in Ossetian).
13. Tsallagova, I.N. *Funktsional'no-semanticheskie osobennosti kompozitov v digorskom dialekte osetinskogo yazyka* [Functional-semantic features of composites in the Digor dialect of the Ossetian language]. *KAVKAZ-FORUM* [KAVKAZ-FORUM]. 2021, iss. 7(14), pp. 31–40.